

«Борис Годунов»:
проблема критического текста*

заголовок «Эпиграммы во вкусе древних»: даже если работал поэт преимущественно с уже напечатанными текстами, к тетради он должен был обращаться хотя бы потому, что «Ночь» и «Приметы» еще нигде не публиковались и существовали только в беловых автографах. Однако назвать так отдел, объединивший указанные одиннадцать стихотворений, Пушкин воздержался — в частности, может быть, потому, что уже на этой стадии заполнения «Капнистовской» тетради планировал выделение в будущем сборнике отдела «Эпиграммы, надписи и пр.»⁵⁵, который точно соответствовал этимологическому понятию об антологической эпиграмме⁵⁶, но, будучи в рукописи оформлен несколько позднее, вобрал в себя стихотворения, не имевшие античного колорита; может быть (во всяком случае, вполне вероятно), и потому, что идиллия «Земля и море», написанная четырехстопным ямбом, не отвечала формальным признакам «эпиграммы во вкусе древних». Подобрав заглавие «Подражания древним», Пушкин не был в нем окончательно уверен и заранее соглашался на другое, которое могло бы П. А. Плетневу показать более удачным и подходящим; он даже сам хотел предложить альтернативу, соотносившую, кажется, этот отдел с опытами в жанре антологической эпиграммы Батюшкова, однако, не закончив соответствующей фразы, ее смазал⁵⁷. В печатном сборнике сохранился заголовок «Подражания древним», очень удачно коррелировавший с «Подражаниями Корану».

В рамках сборника вряд ли «Подражания древним» мыслились автором как цикл, но составляли жанровый отдел (подборку), подобный другим, как-то: «Элегии», «Разные стихотворения», «Эпиграммы и надписи», «Послания». Заголовок «Эпиграммы во вкусе древних», мелькнувший в начале тетради ПД 833, навсегда ушел из пушкинской литературной терминологии, но интерес к жанру поэт сохранял и продолжит к нему обращаться. Но это будут «анфологические эпиграммы», облаченные в иную форму.

⁵⁵ Томашевский Б. В. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина. С. 863–864; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 340–341, 357; письмо П. А. Плетнева от 26 сентября 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 233.

⁵⁶ ἐπιγραμματα (греч.) — 1) надпись (посвящение, подпись автора, надгробие, заглавие и т. п.); 2) эпиграмма, элегическое двустишие (из гексамetra и пентаметра) (Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 1. С. 605). В переведенной И. И. Пуциным статье говорилось: «Сие наименование (эпиграмма. — В. Р.) само по себе означает не что иное, как надпись, и оно сохранило у греков свое первоначальное значение» (Об эпиграмме и надписи древних. С. 115).

⁵⁷ Томашевский Б. В. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина. С. 856; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 342–343. Иное чтение, не предполагающее ассоциации с Батюшковым, см.: Сандомирская В. Б. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним». С. 17.

Вопрос о критическом тексте по определению является базовым в историко-филологическом исследовании. Предметом широкого обсуждения он, однако, обычно становится в связи с эдиционной практикой. Такова, во всяком случае, была природа текстологического «взлета» в пушкиноведении 1920–1930-х гг., напрямую стимулированного подготовкой так называемого «Большого» академического и ряда предшествовавших ему, в каком-то смысле «опытных», собраний сочинений Пушкина¹. Тогда же, в работах Б. В. Томашевского и Г. О. Винокура, было впервые внятно сформулировано и само понятие критического текста как текста, освобожденного в результате всестороннего исторического и историко-литературного, биографического, лингвистического и других исследований от любого рода искажений и не-авторских вторжений и напластований².

При этом в изданиях сочинений Пушкина 1930-х гг. весь критический аппарат был сведен к минимальным редакторским пояснениям, то есть, по сути дела, скрыт. Исключение составил лишь изданный в 1935 г. в качестве «пробного» тома академического собрания том драматических произведений Пушкина³, снабженный обширным комментарием. В дальнейшем, как известно, историко-литературный комментарий был из плана академического издания исключен, а текстологический сведен к лаконичному указанию источников текста и датировки. «Для целей принципиального анализа, — замечает

* Автор приносит искреннюю благодарность М. Н. Виролайнен и С. В. Березкиной, высказавшим свои соображения и критические замечания по поводу этой работы

¹ Включая сюда изданную Б. В. Томашевским в 1922 г. «Гавриилиаду» и отдельные произведения в брошюрах «Народной библиотеки» под редакцией Томашевского и К. И. Халабаева, предшествовавшие подготовленному ими же одному томику (Пушкин. Соч. Л.: ГИЗ, 1924).

² «Решение вопроса о подлинности и соответствии документа во всех его частях тому, что он передает, называется *критикой текста*. Реальные результаты критики текста — устранение погрешностей документа, а потому в узком смысле критикой текста называют разыскание и установление ошибок документа и восстановление в подлинном виде переданного документом ошибочно» (Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 162).

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7: Драматические произведения (далее: Пушкин 1935 Т. 7).

Г. О. Винокур, — решительно безразлично, выражено ли суждение исследователя о подлинности документа в особой ученой статье или в критически-проверенном тексте самого этого документа. Критическое издание тем только отличается в данном случае от специального сочинения, что в нем аргументы и доводы критика не выражены *explicite*, а даны уже просто в том тексте, который зафиксирован в качестве подлинного. Так называемый критический аппарат может при этом в печати и не воспроизводиться, — он все равно должен существовать, хотя бы только в памяти редактора...»⁴ Однако отсутствие «выраженного *explicite*» текстологического решения в «Большом» академическом собрании сочинений, основной корпус которого перепечатывался последующими научными изданиями с незначительными корректировками, но также без необходимых пояснений, наложило свой отпечаток на дальнейшее изучение пушкинского текста. С одной стороны, за полвека, прошедшие с выхода «Большого» академического издания, возникла своего рода инерция: представленный в издании пушкинский текст приобрел и в научном сознании, и в читательском восприятии повышенную степень авторитетности, и любые попытки его пересмотра априори встречаются с недоверием. С другой стороны, реальные филологические основания авторитетности этого текста, по большей степени так и оставшиеся «в памяти» его редакторов, для современного исследователя не очевидны и представляют совершенно самостоятельную область гипотез и изысканий.

Проблема критического текста «Бориса Годунова», вновь выдвинувшаяся на первый план в связи с подготовкой нового академического собрания сочинений Пушкина, представляет тем больший интерес, что перед нами редкий случай, когда исчерпывающе изложена вся критическая аргументация наших предшественников. Подробнейший комментарий Г. О. Винокура в «пробном» томе 1935 г., по праву считающийся классическим филологическим исследованием, позволяет проследить шаг за шагом путь установления критического текста «Бориса Годунова» в «Большом» академическом издании и даже сделать некоторые более общие выводы относительно методологических основ работы коллектива издания и заявленных *de facto* в этом издании текстологических принципов.

История печатного текста «Бориса Годунова» представлена в исследовании Г. О. Винокура следующим образом.

«Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» была завершена Пушкиным 7 ноября 1825 г. Эта дата стоит под текстом в беловом автографе — так называемой «михайловской» рукописи (ПД 891); тогда же Пушкин сообщил об окончании работы над произведением П. А. Вя-

⁴ Винокур Г. О. Критика поэтического текста. М., 1927. С. 64.

земскому (Акад. Т. 13. С. 239–240). В сентябре 1826 г. возвращенный из ссылки Пушкин привез рукопись ПД 891 с собой в Москву, где с нее до 2 ноября 1826 г.⁵ была снята писарская копия (ПД 892). «Михайловский» автограф содержит значительное число поправок чернилами и карандашом. Большая часть правки, вероятно, делалась по ходу письма, но некоторые чернильные исправления, прямо не связанные с работой над текстом в ходе переписывания, могут относиться и к более позднему времени. Карандашные варианты, несомненно, сделаны уже после 7 ноября 1825 г. при одном из последующих обращений к рукописи. Все поправки, однако, были внесены в рукопись до того момента, когда она была отдана в Москве переписчику, поскольку все они отражены в копии ПД 892. После изготовления копии Пушкин с «михайловской» рукописью больше не работал⁶.

В деревне в ноябре 1826 г. Пушкин получил официальное представление от Бенкендорфа, указавшего ему на недопустимость не только печатания, но и вообще любого «распространения» новых произведений до одобрения их императором. 29 ноября рукопись ПД 891 была отослана шефу жандармов. Копией ПД 892 Пушкин в это время не располагал — она оставалась в Москве у Погодина, который готовил по ней публикацию сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» для первого номера «Московского вестника»⁷.

Далее последовало рецензирование трагедии в III Отделении и появление «Замечаний на “Комедию о Царе Борисе и о Гришке Отрепьеве”». Сами «Замечания...» остались Пушкину неизвестными, в письме Бенкендорфа от 14 декабря 1826 г. поэту была сообщена лишь выписка пяти фрагментов пьесы, требующих изменений, и резолюция императора: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал Комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие *Валтера Скота*» (Акад. Т. 13. С. 313)⁸.

⁵ Дата отъезда Пушкина из Москвы в Михайловское, см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 198.

⁶ Характер правки в автографе ПД 891 не позволяет расслоить ее хронологически и с абсолютной точностью выделить текст трагедии на момент ее завершения, 7 ноября 1825 г. Таким образом, говоря о первой, «михайловской» редакции, мы имеем в виду текст верхнего слоя «михайловского» автографа (ПД 891), включающий правку конца 1825—1826 г. Нижняя граница его датировки — 2 ноября 1826 г.

⁷ Это подтверждается поправкой Погодина в ст. 156 («На некое был услан послушанье» вместо: «На некое был послан послушанье»), вошедшей (в отличие от других исправлений в копии ПД 892, сделанных самим Пушкиным позднее) в текст публикации «Московского вестника».

⁸ Текст замечаний и выписки см.: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата М., 1998. С. 94–97.

Первая попытка Пушкина напечатать трагедию, таким образом, потерпела неудачу в январе 1827 г. Следующая относится уже к марту 1829 г. Обстоятельства работы над текстом пьесы в период между январем 1827 г. и началом марта 1829 г. неизвестны. О том, что такая работа велась, свидетельствуют поправки на копии ПД 892. «В какой-то момент этого периода, — пишет Винокур, — вероятно, ближе к его началу, Пушкин просматривал рукопись 92 ЛБ <ныне ПД 892>, выправлял в ней описки переписчика, обдумывал цензурные изменения, смягчал, согласно своим первоначальным предположениям, “матершину французскую и отечественную” <...> и заодно поправлял отдельные места трагедию по собственным авторским побуждениям»⁹.

9 марта 1829 г. Пушкин выехал из Петербурга. Перед отъездом он решил возобновить попытки напечатать трагедию. Предложенная Г. О. Винокуром реконструкция этого этапа печатной истории «Бориса Годунова» целиком основана на сохранившемся в делах III Отделения письме П. А. Плетнева к П. Я. Фон-Фоку:

Милостивый государь Петр Яковлевич,

Александр Сергеевич Пушкин имел счастье представлять государю императору еще в Москве во время коронации драматическое свое сочинение. На рукописи автора его императорскому величеству угодно было отметить несколько сцен красным карандашом, вследствие чего и сделаны были г. Пушкиным разные перемены в сочинении. Впрочем, по недоверчивости ли к собственному своему вкусу, или желая подвергнуть свои поправки свежему взгляду, автор перед отъездом из С<анкт>-П<етер>бурга передал рукопись Василию Андреевичу Жуковскому, с тем чтобы он, пересмотрев еще раз поправленное сочинение, принял на себя труд заготовить чистый экземпляр, в каком виде полагает лучше издать его.

Получив ныне от г. Жуковского обе рукописи, имею честь препроводить их к вам, милостивый государь. Так как по желанию автора я приступаю к печатанию этого сочинения, то не угодно ли будет вам, по сличении оригинала с копией, подписать последнюю для типографии, а первый возвратит мне для доставления опять г. Жуковскому.

С совершенным почтением имею честь быть вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою, П. Плетнев. 20 июля 1829.¹⁰

По мнению Г. О. Винокура, из этого письма можно заключить, что перед отъездом из Петербурга Пушкин отдал «михайловский» автограф

Жуковскому, поручив ему исправить места, вызвавшие в 1826 г. нарекания цензуры и сообщенные Пушкину в «выписке», после чего заготовить новую писарскую копию и вновь ходатайствовать перед III Отделением о пропуске «Бориса Годунова» в печать. Копия ПД 892 с пушкинской правкой при этом «вероятно оставалась в Москве»¹¹ и не была передана Жуковскому. Пушкин «мог ему лишь на словах передать смысл и характер поправок, которые надлежит внести в спорные места трагедии»¹². Пушкинские поправки в копии ПД 892 Жуковский, таким образом, учесть не мог. Он ограничился устранением и исправлением «опасных» мест, сделав в «михайловской» рукописи соответствующие отметки карандашом, после чего отдал ее переписчику для изготовления цензурной копии. Эта неизвестная нам копия (обозначим ее *N*) вместе с «михайловской» рукописью была отправлена Плетневым 20 июля 1829 г. Фон-Фоку.

Бенкендорф, имея в виду прежнюю «монаршую резолюцию», не решился действовать без «высочайшего соизволения» и 30 августа 1829 г. подал Николаю I соответствующую докладную записку, после чего по требованию императора представил и само произведение. 10 октября 1829 г. «высочайшего соизволения не последовало»¹³. Несмотря на распоряжение Бенкендорфа: «Возвратить Пушкину с тем, чтобы переменить бы некоторые места, слишком тривиальные, и тогда я опять доложу государю»¹⁴, — рукописи надолго задержались в канцелярии III Отделения. 7 января 1830 г. Пушкин обратился к Бенкендорфу с письмом, в котором еще раз подтвердил свое желание печатать «Годунова». Он явно был раздражен и недавней необходимостью давать официальные объяснения по поводу своей поездки на Кавказ¹⁵, и отсутствием решения по поводу своей трагедии. Его раздражение, вероятно, еще подогревалось ходившими в обществе слухами о намеренном удерживании «Годунова» в канцелярии III Отделения и о болгаринском плагиате. Пушкин почти декларативно заявил о своем желании ехать во Францию, или Италию, или, на крайний случай, в составе посольства в Китай и указал Бенкендорфу на свои денежные потери от непечатания трагедии. Не очень понятно почему, но Бенкендорф дал сначала уклончивый

¹¹ Там же. С. 424.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 426.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В письме от 14 октября, написанном сразу после вторичного запрещения трагедии, Бенкендорф ни словом не обмолвился о «Борисе Годунове», но просил поэта уведомить власти, «по чьему позволению» он совершил свое кавказское путешествие (Акад. Т. 14. С. 49). Письмо Пушкина с объяснениями см.: Там же. С. 50–51.

⁹ Пушкин. 1935. Т. 7. С. 423.

¹⁰ ПД, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 90; Пушкин. 1935. Т. 7. С. 425.

ответ¹⁶ и только 21 января сообщил свое решение Пушкину и вернул рукописи:

Милостивый государь,

Александр Сергеевич!

Возвращая при сем два рукописные экземпляра Комедии Вашей о царе Борисе, покорнейше прошу Вас, м<илостивый> г<осударь>, переменить в оной еще некоторые, слишком тривиальные места; тогда я вменю себе в приятнейшую обязанность снова представить сие стихотворение государю императору.

С истинным почтением и преданностию, имею честь быть...

(Акад. Т. 14. С. 59)

Спустя 3 месяца, 16 апреля 1830 г., Пушкин уже из Москвы вновь писал к Бенкендорфу о своей предстоящей женитьбе и возобновил просьбу о печатании «Годунова». По-видимому, он рассчитывал, что осенне-зимний конфликт уже отошел в прошлое и что новое письмо и поводом, и исключительно благонамеренным тоном должно расположить царя в его пользу. На этот раз надежды вполне оправдались. В ответном письме от 28 апреля Бенкендорф сообщал: «Что же касается трагедии вашей о Годунове, то его императорское величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью» (Акад. Т. 14. С. 82, 409; оригинал по-франц.).

«Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать *Годунова* в перво-бытной красоте», — пишет Пушкин Плетневу 4 или 5 мая 1830 г. Далее он дословно приводит фразу из письма Бенкендорфа и прибавляет: «...я пришлю тебе трагедию мою с моими поправками — а ты благодетель, явись к Ф<он> Ф<оку> и возьми от него письменное дозволение (нужно ли оно?)» (Акад. Т. 14. С. 89).

Итак, следуя рассуждению Г. О. Винокура, к моменту разрешения «Бориса Годунова» существовало три полных рукописи трагедии — «михайловский» автограф, писарская копия ПД 892 с поправками Пушкина и писарская копия *N*, снятая с «михайловского» автографа во время поездки Пушкина на Кавказ в 1829 г. Ни первая, ни вторая

¹⁶ «**Что же касается разрешения** на издание вашей новой трагедии, я не премину сообщить вам на днях окончательный ответ» (Акад. Т. 14. С. 58, 398; оригинал по-франц.). В этом же письме Бенкендорф сообщал, что Пушкину отказано в поездке и в Европу, и в Китай в составе русского посольства. Возможно, Бенкендорф отложил сообщение о судьбе трагедии до следующего письма, потому что не хотел, чтобы его письмо оказалось прямым ответом на пушкинский демарш. Власть не могла признать права поэта на конфликт с ней и возвращала их отношения в обычное бюрократическое русло.

из этих рукописей не могли стать оригиналом, по которому печатался «Борис Годунов». «В первой из них нет никаких следов новых поправок Пушкина специально для печати: эта рукопись поступила в Публичную библиотеку в Петербурге в 80-х гг. от сына Жуковского, у которого она, по-видимому, и оставалась все время. Что касается 92 ЛБ <ПД 892>, то многие поправки, внесенные в нее Пушкиным, не нашли себе отражения в печатном тексте трагедии»¹⁷. Таким образом, тем текстом, с которым Пушкин работал в 1830 г. и с которого печаталось единственное при жизни поэта издание «Бориса Годунова», был текст копии *N*.

Что представляла собой копия *N* в тот момент, когда Пушкин получил наконец ее от Бенкендорфа в конце апреля 1830 г. и начал готовить трагедию к печати? Исходя из всего вышеизложенного, вполне очевидно, что это должен был быть текст «михайловского» автографа, из которого механически были исключены вычеркнутые Жуковским места.

1. В третьей сцене «михайловской» редакции «Девичье поле. Новодевичий монастырь» были вычеркнуты ст. 18—26 («Народ на коленях. Вой и плач. Ах, смилуйся, отец наш властуй нами! ~ Нет, я слюней помажу»). В результате чего сцена оказалась сильно «укорочена».

2. В сцене «Корчма на литовской границе» вычеркнуты две реплики:

В а р л а а м

Эй товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать не нужна тебе водка, а нужна молодка, дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

М и с а и л

Складно сказано, от<ец> Варлаам...

3. В сцене «Москва. Дом Шуйского» сильному сокращению подвергся монолог Афанасия Пушкина (вычеркнуты ст. 71—79 и 85—90, всего 15 стихов из 33^{1/2}).

4. В сцене «Равнина близ Новгорода-Северского» вычеркнута реплика Маржерета, содержащая грубые ругательства:

Tudieu, il y fait chaud! — Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul — qu'en pensez-vous, mein Herr? —

и по связи с ней следующая реплика В. Розена: «Oh, ja!».

5. В сцене «Площадь перед собором в Москве» устранено из текста имя «Николка», замененное или местоимением первого лица (там, где Николка говорит о себе в третьем лице, — например, вместо: «Николку

¹⁷ Пушкин. 1935. Т. 7. С. 427.

маленькие дети обижают...» предложено: «Мальчишки меня обижают»), или словом «юридивый».

Объем пушкинской правки 1830 г., который определялся Г. О. Винокуром из сравнения копии *N* с печатным изданием, получался достаточно большим. Пушкин пересмотрел правку Жуковского, в одном случае — с монологом Афанасия Пушкина в сцене «Москва. Дом Шуйского» — вовсе ее отменив, в другом — в сцене в корчме — согласившись с ней, в трех остальных — приняв с некоторыми изменениями. Самый серьезным из этих изменений было решение о полном исключении сцены на Девичьем поле. «...Жуковский вычеркнул большой кусок сцены, наиболее театральный и красочный. Пушкин очевидно предпочел пожертвовать всей сценой целиком...» — пишет по этому поводу Г. О. Винокур¹⁸. Несмотря на разрешение печатать трагедию за своей «личной ответственностью», поэт был вынужден пойти дальше по пути приспособления пьесы к цензурным условиям. Так, в сцене в корчме «бродяги-чернецы» оказались заменены на «бродяги в виде чернецов», а реплика Варлаама «Отстаньте, блядины дети!» — на «Отстаньте, пострелы!»¹⁹. «Пушкин сделал также некоторые поправки и в других местах трагедии, не связанные с цензурными соображениями»²⁰. Причем правка коснулась не только отдельных стихов и реплик: две сцены — «Ограда монастырская» и «Уборная Марины» — были исключены, в двух других — «Царские палаты» (2-я) и «Краков. Дом Вишневецкого» — сделаны значительные по объему сокращения. Осложняющим обстоятельством при подготовке трагедии к печати, по мнению Г. О. Винокура, оказалось то, что в распоряжении Пушкина и на этот раз не было копии ПД 892. Поэтому «Пушкин вспомнил часть поправок, сделанных им раньше и внес их в текст, а остальные свои прежние поправки оставил без внимания»²¹.

Этими рассуждениями было продиктовано отношение Г. О. Винокура к изданию 1831 г. как к тексту пониженной степени авторитетности.

Во-первых, он искажен цензурной правкой, сделанной еще Жуковским в «михайловской» рукописи и частично продолженной Пушкиным в 1830 г. при окончательной подготовке трагедии к печати. Эти поправки как вынужденные и заведомо искажающие авторский замысел в «пробном» томе 1935 г. были полностью устранены.

¹⁸ Там же. С. 428.

¹⁹ Правда, Г. О. Винокур вопреки собственной логике замечает, что «эта поправка всего вероятнее сделана еще Жуковским» (Там же). Возникает вопрос: где именно? В уже переписанной набело рукописи? Почему же столь очевидная замена не была сделана раньше, в «михайловском» автографе, где Жуковский правил остальные «неподцензурные» места?

²⁰ Там же.

²¹ Там же

Винокур восстановил сцену «Девичье поле. Новодевичий монастырь»²².

В сцене «Корчма на литовской границе» восстановлены две реплики, вычеркнутые Жуковским в «михайловском» автографе, выражение «бродяги-чернецы», замененное в печатном тексте на «бродяги в виде чернецов»²³, и исключенная в печати заключительная часть реплики Варлаама: «Да что он за постник? <...> может быть, кобылу нюхал»²⁴.

Сцена «Равнина близ Новгорода-Северского», начиная с третьей реплики Маржерета, напечатана Винокуром по «михайловской» рукописи.

В тексте «Площадь перед собором в Москве» в текст возвращено имя «Николка»; соответствующие реплики напечатаны по автографу.

Во-вторых, Винокур ввел в текст те поправки Пушкина из копии ПД 892, которые, по его мнению, лишь случайно (из-за отсутствия копии в момент подготовки печатного издания и забывчивости Пушкина) оказались неучтенными.

Соответственно, ст. 174 сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» («Покайтесь!» народ им загремел») был исправлен в томе 1935 г. на: «Покайтесь!» народ им завопил».

Ст. 55 сцены «Царские палаты» («Как молотком стучит в ушах упреком») исправлен на: «Как молотком стучит в ушах упрек».

Во второй сцене «Царские палаты» реплика мамки («...забудешь Ивана Королевича») изменена на: «...забудешь своего королевича»; также внесена в текст вписанная Пушкиным в ПД 892 ремарка в ст. 140: «Царь (спокойно)».

В сцене «Краков. Дом Вишневецкого» ст. 1 («Нет, мой отец, не будет затруднений») изменен на: «Нет, мой отец, не будет затрудненья»; ст. 7 («Весь мой народ и вся Восточна церковь») на: «Весь мой народ, вся северная церковь»; ст. 17 («Amen. Кто там! <...>») на: «Аминь. Кто там! <...>».

В сцене «Площадь перед собором в Москве» строка песенки юрдивого «Месяц едет» изменена на: «Месяц светит».

В последней сцене трагедии «Кремль. Дом Борисов» реплика «Двери заперты — крики замолкли — шум продолжается» сокращена: «Двери заперты — крики замолкли».

²² Сцена напечатана по «михайловскому» автографу с учетом одной поправки, сделанной в копии ПД 892 прежде, чем вся сцена в ней была отмечена в начале и конце карандашными крестами — знаками, которыми Пушкин обозначал исключаемые фрагменты.

²³ Замена сделана самим Пушкиным еще в копии ПД 892.

²⁴ Вычеркнуто Пушкиным еще в копии ПД 892.

В-третьих, Г. О. Винокур призывал проявлять «большую осторожность» ко всем вариантам издания 1831 г., не находящим себе подтверждения в «михайловском» автографе и копии ПД 892. Ряд вариантов прижизненного издания был отвергнут Винокуром и исправлен по «михайловскому» автографу.

Так, ст. 20 сцены «Красная площадь» — «Да сжалится над сирью Москвой» — заменен на: «Да сжалится над сирью Москву»²⁵.

Ст. 183 сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» — «Я летопись свою; с тех пор я мало» — изменен на: «Я летопись мою; с тех пор я мало».

В сцене «Корчма на литовской границе» реплика Варлаама «Сам же к нам назвался в товарищи» изменена на: «Сам же к нам навязался в товарищи»²⁶.

Ст. 52 сцены «Москва. Дом Шуйского» — «Что гордый пан, сию проведая тайну» — изменен на: «Что гордый пан, его проведая тайну»²⁷.

Ст. 24 сцены «Замок воеводы Мнишка в Самборе» — «Музыки гром не призывает нас» — заменен на: «Мазурки гром не подзывает нас»²⁸.

Кроме того, в сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» ст. 102 («А грозный царь игуменом богомольным») и 112 («Он говорил игумну и всей братье») были заменены в соответствии с автографом на: «А грозный царь игуменом смиренным» и «Он говорил игумену и братьи». Замена эта, несомненно, авторская. В одной из заметок, написанных болдинской осенью 1830 г. для «<Опровержения на критики>», Пушкин упоминал употребление формы «игуменом» вместо «игумну» в числе немногих грамматических ошибок, справедливо отмеченных критиками в его стихах (Акад. Т. 11. С. 148). Винокур считал возможным игнорировать в указанных стихах пушкинскую правку, поскольку, по его мнению, ошибка кем-то была указана Пушкину неверно: «...этимологический пропуск гласной здесь не имеет никаких оснований...».

²⁵ Впрочем, это разночтение при желании можно отнести и к ошибкам печатного издания, вкравшимся из-за оплошности переписчика, который не разобрал не очень отчетливо написанное Пушкиным в автографе окончание слова. Многочисленные примеры такого рода ошибок в печатном тексте «Бориса Годунова» приводятся ниже.

²⁶ Винокур почему-то квалифицирует это разночтение как «простую опечатку», что следует признать совершенно невероятным.

²⁷ Это разночтение Винокур также считал ошибкой, возникшей в результате неверного чтения авторской рукописи, что вполне возможно. Строго говоря, слово написано в автографе так неразборчиво, что трудно сказать, какое чтение — *сию* или *его* — вообще следует предпочесть.

²⁸ Пушкин. 1935. Т. 7. С. 432. Следует отметить, что эта редакторская замена вызвала критику Д. Д. Благого уже на обсуждении «пробного» тома на заседании Пушкинской комиссии в апреле 1936 г. (см. стенограмму обсуждения: ПИМ.

В целом критический текст «Бориса Годунова», напечатанный в корпусе «пробного» тома «Большого» академического собрания сочинений Пушкина в 1935 г., содержит более восьмидесяти разночтений с текстом отдельного издания 1831 г. Это, безусловно, очень много, хотя само по себе число внесенных исправлений, каким бы оно ни было, еще не может ставить под сомнение текстологическое решение редактора. Тем более что, как все прижизненные издания Пушкина, издание «Бориса Годунова» 1831 г. содержит много опечаток и искажений текста (смысловых, орфографических, пунктуационных, которые должны быть безусловно устранены редактором²⁹), причем искажений как очевидных, так и «скрытых», дающих внешне правильное чтение. Последние являются, как правило, результатом ошибок переписчика, плохо разобравшего пушкинский почерк или исправления в автографе. Такова ошибка в ст. 72 сцены «Москва. Дом Шуйского»: «Что на полу кровавом всенародно / Мы не поем канонов Иисусу». Правильное чтение: «Что на колу кровавом...». Первая буква в слове «колу» написана, действительно, очень неотчетливо, и переписчик совершал в этом месте постоянную ошибку: то же написание «полу» вместо «колу» Пушкин не заметил и не исправил и в копии ПД 892. Той же природы, думается, разночтение печатного издания с «михайловской» рукописью в сцене «Палаты патриарха» (в последней реплике Патриарха). В «михайловской» рукописи: «...дьяку Смирнову, али дьяку Ефимьеву», в издании 1831 г. — «...дьяку Смирнову, или дьяку Ефимьеву». Слово «али» при этом написано нечетко: первую букву можно принять за «и». Именно так — «или» — прочел слово переписчик копии ПД 892. В этот раз Пушкин ошибку заметил и исправил, в следующий — вполне мог и не обратиться на нее внимания. Во всяком случае, больше оснований предполагать в печатном тексте случайно вкравшуюся ошибку при копировании рукописи, чем сознательное исправление Пушкина.

Л., 1991. Т. 14. С. 267; публ. А. Л. Гришунина). См. также: *Благой Д. Д.* Академическое издание Пушкина // Литературный критик. 1936. № 5. С. 234. Из всех указанных нами поправок Винокура только это исправление было отвергнуто последующими изданиями (начиная с Акад.) в пользу чтения печатного текста 1831 г.

²⁹ Перечень очевидных опечаток и искажений текста в издании 1831 г. мы здесь опускаем. Только одно из них стало предметом дискуссии — в сцене в корчме, когда в результате какого-то выпадения части текста и последующей его правки, видимо, уже на последнем этапе, в печати, песня и реплика Варлаама оказались приписаны Мисаилу, что резко противоречит четко выдержанной Пушкиным речевой характеристике персонажей. См.: *Благой Д. Д.* Академическое издание Пушкина. С. 235; *Городецкий Б. П.* «Борис Годунов» А. С. Пушкина / Ред. текста и коммент. Г. О. Винокура // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Т.] 4/5. С. 530–531.

В ст. 35–36 сцены «Краков. Дом Вишневецкого» («Самозванец (*Курбскому*). Имя громко! Ты родственник казанскому герою?») переписчик не вполне разобрался с местом ремарки, нечетко обозначенным в рукописи: в автографе ремарка «(*Курбскому*)» стоит в середине реплики, после слов «имя громко!». В ст. 186 сцены «Ночь. Сад. Фонтан» в автографе первоначальное чтение «Не будешь ты подругою моею» Пушкин не очень отчетливо переписал на: «Не будешь ты подругою моею»; переписчик, скорее всего, не разобрал пушкинскую правку, в результате чего в печатный текст попал первоначальный вариант автографа. В ст. 42 сцены «Царская дума» вместо: «Ты грешнику погибели не хочешь» в печатный текст попало ошибочное чтение: «Ты грешному погибели не хочешь» (та же ошибка пропущена Пушкиным и в копии ПД 892). Ст. 115–116 сцены «Москва. Царские палаты» в автографе сначала читались: «В семье своей будь завсегда главой; / Мать почитай — но властвуй сам собою»; Пушкин исправил рифму: «главою» — «собою», сохранив, однако, сам принцип парной рифмовки. По-видимому, переписчик запутался в пушкинских исправлениях или случайно ошибся: в издании 1831 г. ст. 115 читается: «В семье своей будь завсегда главой» (при сохранении формы «собою» в следующем стихе). Во всех указанных случаях исправления, внесенные редактором на основании анализа рукописных источников, не вызывают никаких возражений, являясь блестящей иллюстрацией приемов установления критического текста³⁰.

³⁰ Мы сознательно исключаем из рассмотрения все случаи чисто орфографических исправлений Винокуром текста 1831 г. (изменение «Немного слов доходит до меня» на «Немного слов доходят до меня»; «Нас издали пленяют слава, роскошь» на «Нас издали пленяет слава, роскошь», «золотой венец» на «золотый венец», «между них» на «между их», «этака ересь» на «эдака ересь», «ныне» на «нынче», «волосы рыжие» на «волоса рыжие» и проч.). Винокур квалифицировал такого рода разночтения печатного текста с автографами как «приспособление текста Пушкина к нормальному языковому типу, лишаящему трагедию целого ряда мелких, но характерных языковых особенностей» (Пушкин. 1935. Т. 7. С. 431). В принципе это соответствовало практике всех пушкинских изданий 1930-х гг., включая «Большое» академическое, отдававших предпочтение рукописи, отражающей особенности авторского правописания, перед печатным изданием. Такой подход нам не представляется достаточно обоснованным. В «Борисе Годунове» мы имеем ту же нивелировку авторского правописания, как и во всех прижизненных изданиях поэта. Заметим, что у Пушкина она никогда не вызывала нареканий. Думается, речь может идти о некотором орфографическом индифферентизме Пушкина, заведомо допускавшем редакторскую и корректорскую орфографическую правку. Этот вопрос заслуживал бы специального рассмотрения. В данном случае мы присоединяемся к мнению В. И. Чернышева: «Во времена Пушкина, как и в наши, существовала определенная орфографическая система литературного письма. Эта система ни в коем случае не отвергалась нашим поэтом, и он прилагал все усилия строго

Наибольший интерес для нас представляют первые три категории поправок, далеко не столь безусловных. Они, на наш взгляд, прямо следуют из истории текста, изложенной в томе 1935 г.³¹ Вернемся поэтому к ней.

Построение Г. О. Винокура вызывает некоторые сомнения. Прежде всего, представляется маловероятным, что копия *N*, предназначенная к вторичной подаче в цензуру и составившая впоследствии основу наборной рукописи «Бориса Годунова», могла быть снята с «михайловского» автографа после правки, сделанной в нем Жуковским. Публикуя после смерти Пушкина его оставшиеся в рукописях произведения, Жуковский, действительно, в ряде случаев вмешивался в пушкинский текст, причем порой его правка не была вызвана необходимостью цензурных замен (как в «Медном всаднике»), но носила стилистический, «улучшающий» характер — это происходило, главным образом, при публикации незавершенных произведений и полужерновых рукописей, когда сам характер текста позволял Жуковскому чувствовать себя по отношению к нему достаточно свободно³². Однако все это относится к посмертным публикациям. Нам неизвестно случаев ни такого равнодушия Пушкина к своему сочинению, ни столь радикального вмеша-

следовать правописанию своего времени во всех своих печатных текстах. <...> ...опираться в правописании слов на живой язык Пушкина — значит вступать в явный конфликт с орфографией его эпохи, т. е. проводить неорфографические, ошибочные написания <...>. Индивидуальная орфография Пушкина, или кого угодно, собственно перестает быть орфографией, если она не входит в общую систему современного автору письма. Всякая орфографическая система стремится к общности и единству, чтобы давать тексты удобочитаемые и легко понимаемые» (Чернышев В. И. Замечания о языке и правописании Пушкина. (По поводу академического издания) // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Т.] 6. С. 438, 445).

³¹ Сделаем, впрочем, одну оговорку. В исследовании Г. О. Винокура было изложено и основательно аргументировано не его индивидуальное, а общепринятое в кругу пушкинистов — редакторов послереволюционных собраний сочинений Пушкина представление об истории печатного текста «Бориса Годунова». Этот вывод, на наш взгляд, следует из характера поправок, внесенных в текст 1831 г. в советских изданиях, начиная с однотомника 1924 г. под редакцией Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева. В целом они укладываются в систему исправлений Винокура, но проведены менее последовательно, при этом какой-либо отчетливой тенденции в корректировке текстологических решений от издания к изданию не прослеживается. Видимый разницей можно объяснить колебаниями редактора и чисто внешними условиями издательско-типографской практики.

³² Две чисто стилистические поправки были аккуратно предложены Жуковским в первой сцене «Бориса Годунова», причем именно предложены, а не сделаны: Жуковский намелит их карандашом над строкой, не зачеркнув первоначальные пушкинские варианты. Обе они были приняты Пушкиным в печатном издании.

тельства в его текст при жизни поэта кого бы то ни было, даже и Жуковского. А речь ведь при этом идет ни больше ни меньше как об одном из центральных в творчестве поэта и дорогих ему произведений.

Впрочем, даже отказавшись от аргументов «психологического» плана, следует признать, что правка Жуковского на «михайловской» рукописи не имела целью подготовки пушкинского автографа к печати. Во-первых, это очень осторожный, почти робкий карандаш. Во-вторых, исправления в сцене «Площадь перед собором в Москве» (замена имени «Николка») сделаны совершенно неразборчиво — почти нечитаемым почерком, с первоначальными зачеркнутыми карандашными вариантами. Никакой переписчик не мог бы их разобрать. Так пишут для себя и последующего обсуждения с автором. Кроме того, и замена имени «Николка» проведена Жуковским непоследовательно. Правка начата с реплики: «Взяли мою копеечку; обижают Николку!», в то же время три предшествующих упоминания имени «Николка», на предыдущем (смежном) листе, Жуковский оставил без внимания. Совершенно невероятно, чтобы Жуковский, готовя рукопись к печати, не заменил в сцене в корчме выражение «блядины дети» на что-либо более приемлемое. Это, помимо всего, шло бы вразрез с несомненным намерением Пушкина очистить печатный текст от слишком грубых выражений³³.

Неясно, где на всех этапах подготовки печатного текста трагедии находилась копия ПД 892. Можно, конечно, предполагать, что Пушкин не взял с собой рукопись, уезжая из Москвы в мае 1827 г. или в январе 1829 г. Однако все же кажется странным такое небрежение рукописью произведения, над которым поэт продолжал работу и которое не терял надежды напечатать. Кроме того, даже допустив, что в момент передачи «михайловского» автографа Жуковскому копия ПД 892 по каким-то причинам у Пушкина отсутствовала и он был вынужден ограничиться сообщением «на словах» «смысла и характера» своей правки, вряд ли он мог забыть о сделанных им сокращениях (например, начала сцены «Царские палаты» с песней Ксении) и даже об исключении из трагедии двух сцен целиком («Ограда монастырская» и «Уборная Марины»)³⁴.

³³ См. в письме к Бенкендорфу от 29 ноября 1826 г.: «...я не осмеливался прежде сего представить ее глазам императора, намереваясь сперва выбросить некоторые непристойные выражения» (Акад. Т. 13. С. 308); в письме к Н. Н. Раевскому 1829 г.: «...что касается грубых непристойностей, не обращайтесь на них внимания: это писалось наскоро и исчезнет при первой же переписке» (Акад. Т. 14. С. 46, 395; оригинал по-франц.).

³⁴ Причем если можно предположить, что относительно сцены «Уборная Марины» Пушкин еще какое-то время колебался (она отмечена в начале и конце карандашными крестами), то сцена «Ограда монастырская» была сразу вычеркнута в ПД 892 безусловно (помимо карандашных крестов в начале и конце, сцена вычеркнута построчно чернилами).

Вчитаемся, наконец, в письмо Пушкина к Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г., в котором Пушкин уже после вторичного запрещения трагедии возвращается к вопросу о ее публикации. Пушкин пишет:

...в 1826 году я привез в Москву написанную в ссылке трагедию о Годунове. Я послал ее в том виде, как она была, на ваше рассмотрение только для того, чтобы оправдать себя. Государь, соблагволив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний о местах слишком вольных, и я должен признать, что его величество был как нельзя более прав. Его внимание привлекли также два или три места, потому что они, казалось, являлись намеками на события, в то время еще недавние; перечитывая теперь эти места, я сомневаюсь, чтобы их можно было бы истолковать в таком смысле. Все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Он должен заставить их говорить в соответствии с установленным их характером. Поэтому надлежит обращать внимание лишь *на дух, в каком задумано все сочинение*, на то впечатление, которое оно должно произвести. Моя трагедия — произведение вполне искреннее, и я по совести не могу вычеркнуть того, что мне представляется *существенным*. Я умоляю его величество простить мне смелость моих возражений; я понимаю, что такое сопротивление поэта может показаться смешным; но до сих пор я упорно отказывался от всех предложений издателей; я почитал за счастье приносить эту молчаливую жертву высочайшей воле. Но нынешними обстоятельствами я вынужден умолять его величество разрешить мне руки и позволить мне напечатать трагедию в том виде, как я считаю нужным.

(Акад. Т. 14. С. 78, 406; оригинал по-франц.)

Трудно поверить, что это письмо, столь твердо выражающее отношение к своему сочинению и нежелание идти на компромиссы, написано автором, годом раньше перепоручившим свою трагедию постороннему лицу и согласившимся на приспособление ее к цензурным условиям. Что касается «намек на события, в то время еще недавние», то есть на декабрьское восстание, то их можно было увидеть лишь в монологе Афанасия Пушкина в сцене «Москва. Дом Шуйского». Этот монолог, по логике Винокура, в тексте, поданном в 1829 г. в III Отделение (копии N), должен был бы подвергнуться сокращению почти в два раза. О каких-либо изменениях, внесенных в него, в пушкинском письме тем не менее не говорится ни слова. Более того, из слов Пушкина, кажется, можно заключить, что отсутствие изменений именно в этом месте трагедии поэт считает основной причиной ее повторного запрета.

Как видим, в той версии истории печатного текста «Бориса Годунова», которая изложена в «пробном» томе 1935 г., слишком много неувязок, чтобы с ней было можно согласиться. На наш взгляд, в 1829 г. в III Отделение были поданы «михайловский» автограф с цензурными отметками 1826 г. и копия *N*, которая никак не могла быть копией с исправленного Жуковским «михайловского» автографа. Что же это была за рукопись?

Если мы отвергаем версию Г. О. Винокура, то остается предположить, что неизвестная нам копия *N* представляла собой «чистый экземпляр» текста, подготовленного к печати самим Пушкиным³⁵, причем, как нам кажется, этот текст был намного ближе к тексту издания 1831 г., чем представлялось Г. О. Винокуру. В основе его лежала писарская копия с «михайловского» автографа, о чем свидетельствуют некоторые упомянутые выше характерные ошибки переписчика, вкравшиеся по недосмотру Пушкина в издание 1831 г. К началу работы Пушкина с этой копией в его распоряжении был «михайловский» автограф с пометами Жуковского. Пометы сделаны Жуковским только в местах, вызвавших сомнение III Отделения и пронумерованных в рукописи красным карандашом. Они носили очевидно консультативный характер и в этом своем качестве были перенесены Пушкиным (тоже карандашом) в копию ПД 892 (кроме сцены «Равнина близ Новгорода-Северского», которая в ПД 892 была переписана только до реплики «Ква! ква! ~ православные»). Именно такова, на наш взгляд, последовательность возникновения карандашных помет в подцензурных местах в автографе и копии ПД 892, а не наоборот, как считал Винокур³⁶. За то, что «михайловский» автограф от Жуковского вернулся снова к Пушкину, говорит и одна внешне малозначащая, но характерная деталь. В двух сокращенных Жуковским репликах сцены «Корчма на литовской

³⁵ Наше предположение никак не противоречит тому письму Плетнева Фон-Фоку, на которое опирался в своих построениях Винокур. Более того, в письме говорится о том, что Пушкин «сделал разные перемены в сочинении», а не о переменах в отмеченных красным карандашом местах. Ссылки на мнение Жуковского, разумеется, носят главным образом «дипломатический» характер. И тем не менее апеллировать к его «вкусу» и «свежему взгляду», когда бы речь шла о совершенно механическом изъятии указанных цензурой мест, было бы совершенно нелепо.

³⁶ Такая последовательность, кажется, лучше объясняет и правку в сцене с Николкой: Пушкин понял общий смысл указаний Жуковского и провел их уже на всем тексте сцены, найдя при этом свои более разнообразные и выразительные варианты. Вообще же сцена попала в «выписку» III Отделения не из-за имени «Николка», а из-за упоминания «царя Ирода», чего не поняли ни Жуковский, ни Пушкин. Предложение же устранить имя «Николка» больше подходит острожному Жуковскому.

границе» («Эй товарищ! да ты к хозяйке присуседелся ~ Складно сказано, от<ец> Варлаам») поверх тонких карандашных штрихов Жуковского проведен еще один уверенный штрих пером. Им захвачена только часть вычеркнутого текста (до слов «не нужна тебе водка»), находившаяся внизу л. 25. На обороте листа чернильное зачеркивание не было продолжено, тем не менее смысл его не вызывает сомнений — это своего рода «подтверждение» карандашной правки, и принадлежать это «подтверждение» могло только самому автору (Жуковский чернилами к «михайловской» рукописи не прикасался, да и дублировать собственую правку ему смысла не было).

Перерабатывая текст в новой копии, Пушкин был волен принимать или не принимать во внимание мнение Жуковского. Во всяком случае, он оставил без перемен самое политически «опасное» место трагедии — монолог Афанасия Пушкина. В ПД 892, кстати, в этом месте два слоя помет: Пушкин отчеркнул сбоку карандашом весь монолог (ст. 67–100) как вызвавшее нарекание место трагедии, чернилами же вычеркнуты ст. 76 («Уверены ль мы в бедной жизни нашей?») и 88 («Правительством подкупленные воры») — правка, вряд ли достаточная, чтобы удовлетворить цензуру, и, возможно, продиктованная иными побуждениями. Устранение же «непристойностей», или, пользуясь собственным выражением Пушкина, «слишком вольных» мест, не шло вразрез с художественной волей поэта, ни минуты не предполагавшего допустить их в печать. Обратим внимание на то, что «блядины дети» в сцене в корчме были заменены Пушкиным еще в копии ПД 892 на «сукины дети» — вариант равным образом в печати «непроходной» и, таким образом, не подходящий под категорию цензурной правки. Вероятнее всего, вычеркивание в копии ПД 892 слов «может быть, кобылу нюхал» также сделано в связи с общим желанием Пушкина избавиться от некоторых стилистических «крайностей». Думается, соображения того же рода сыграли не последнюю роль и в решении исключить из печатного текста сцену «Девичье поле. Новодевичий монастырь». В любом случае есть все основания считать, что сцена была исключена именно на этом этапе³⁷. Маловероятно, чтобы Пушкин пошел бы здесь по пути Жуковского, вычеркнув только указанный в присланной ему

³⁷ Это, кажется, прямо следует из письма к Бенкендорфу от 16 апреля, где Пушкин делит высказанные ему претензии к тексту трагедии на две категории — замечания насчет мест «слишком вольных» и мест, являющихся «намекami на события, в то время еще недавние». Поскольку в отношении первых, как пишет Пушкин, «его величество был как нельзя более прав», трудно предположить, чтобы при вторичном представлении трагедии на высочайшее одобрение соответствующие части текста остались в неизменном виде. Вторые поэт категорически отказывался менять.

Бенкендорфом «выписке» фрагмент (как сделал Жуковский в «михайловском» автографе)³⁸. Без него сцена имеет какой-то странный, укороченный вид. В ПД 892 она отмечена точно такими же карандашными крестами в начале и в конце, как и подлежащие исключению сцены «Ограда монастырская» и «Уборная Марины». Тогда же должны были быть сделаны сокращения в сценах «Корчма на литовской границе», «Царские палаты» и «Краков. Дом Вишневецкого»³⁹.

Нам представляется, что перед отъездом на Кавказ Пушкин передал своим петербургским друзьям новую редакцию пьесы. Эта редакция на момент ее создания в той же мере выражала художественную волю поэта, как и первоначальная «михайловская» редакция в 1825–1826 гг. Вполне вероятно, среди соображений, диктовавших переработку пьесы, присутствовали и, условно говоря, «цензурные» (желание смягчить и изменить места, вызвавшие в 1826 г. недовольство верховной власти), но они вряд ли отделимы от чисто художественных⁴⁰, и, во всяком случае, не ими определился общий характер изменений. В печатном тексте исключены сцены, наиболее разбивавшие стилистическое единство трагедии: «Ограда монастырская» и «Уборная Марины» — единственные написанные не белым пятистопным ямбом, «Девичье поле. Новодевичий монастырь» — выделявшаяся слишком резким фарсовым колоритом. Причем положение в пьесе сцены на Девичьем поле — третья по счету после двух достаточно коротких вводных — поневоле акцентировало читательское внимание на фарсовом элементе, неправомерно увеличивая его вес в общем интонационном строе трагедии. Новая редакция была лишена внешних крайностей первоначального пушкинского «шекспиризма», с которыми Пушкин расставался, может

³⁸ Возможно, кстати, стилистическими, а не только «цензурными» соображениями руководствовался при чтении пушкинской трагедии и Жуковский. Во всяком случае, предложенная им правка в сцене в корчме плохо объяснима только желанием отреагировать на цензурные замечания: Жуковский наметил к сокращению две реплики, очень далеко отстоящие от отмеченного красным жандармским номером «неудобного» места (они находятся внизу л. 15 и на л. 15 об., тогда как жандармская помета стоит сверху л. 14 об., у слов Хозяйки «Вот вам, отцы мои, пейте на здоровье»).

³⁹ Сокращения в сцене «Царские палаты» и «Краков. Дом Вишневецкого» также намечены еще в копии ПД 892, во втором случае окончательный вариант сокращения отличается от намечавшегося первоначально.

⁴⁰ Это иллюстрируется даже на мелочах. Так, смягчая французские ругательства Маржерета, Пушкин внес и незначительную, но совершенно независимую стилистическую правку: выражение «maudites canailles» заменено на «maudite canaille», «Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent» — на «Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle».

быть, и не без сожаления, но, думается, вполне сознательно⁴¹. Когда бы ни возникло заглавие «Борис Годунов», оно было более органичным для нового текста, чем первоначальное «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»⁴².

В данном случае можно напомнить некоторые общетекстологические положения, сформулированные Б. В. Томашевским еще в 1922 г.: «Каждая стадия поэтического творчества есть сама по себе поэтический факт. Каждая редакция стихотворения отражает творческий замысел поэта. Наличие различных, разновременных “исправлений” (вернее — “изменений”) свидетельствует об художественной изменчивости поэта. <...> Если даже переработку вызвал посторонний повод (цензура), то самый факт обработки остается фактом поэтического творчества»⁴³.

Сцена на Девичьем поле являлась неотъемлемой составляющей художественного единства пушкинской трагедии на том этапе развития творческого замысла, на котором в пьесе присутствовали сцены «Ограда монастырская» и «Уборная Марины», песня Ксении в составе сцены «Царские палаты» (2-й) и расширенный вариант сцены «Краков. Дом Вишневецкого», нецензурные французские ругательства Маржерета и т. д. Как только мы признаем печатный текст 1831 г. не «случайным» текстом, явившимся результатом разновременных и внесистемных изменений, а полноценной авторской редакцией пьесы, органичной для определенного этапа пушкинского творчества и отражающей определенный этап в развитии замысла, мы будем вынуждены отказаться от любого «восполнения» его элементами, хронологически относящимися к более раннему этапу.

Это прямо касается и поправок в копии ПД 892. Утверждение, что Пушкин при подготовке текста не имел копии в своем распоряжении,

⁴¹ Ср. в письме к Вяземскому от 2 января 1831 г.: «...одного жаль — в Борисе моем выпущены народные сцены, да матершина французская и отечественная; а впрочем, странно читать многое напечатанное» (Акад. Т. 14. С. 139). Общий шуточный контекст письма мешает видеть в этой фразе жалобы на цензурное вмешательство. Нигде и никогда Пушкин не выражал своего недовольства изданием 1831 г.

⁴² 21 января 1830 г. Бенкендорф возвращал Пушкину «два рукописные экземпляра Комедии Вашей о царе Борисе». Впрочем, в письме к Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г. Пушкин называет пьесу «трагедией о Годунове» («ma tragedie de Годунов») (Там же. С. 78). Этот разницей можно было бы объяснить параллельным существованием двух заглавий: «Комедия о царе Борисе...» в «михайловской» рукописи и «Борис Годунов» в копии *N*. Так или иначе, но новое заглавие выилось последним в ряду системных изменений, приведших к возникновению другой редакции произведения.

⁴³ Томашевский Б. В. Новое о Пушкине // Литературная мысль: Альманах. I. Пг., 1922. С. 172.

лишено каких-либо фактических оснований. Предположение, что часть поправок он внес по памяти, а другую часть не вспомнил, выглядит очень странным при их сопоставлении. Выходит, например, что Пушкин вспомнил мельчайшее и не очень обязательное исправление в ст. 54 первой сцены: «Пускай его б уверил я во всем» (вместо: «Пускай его уверил я во всем»), но забыл, скажем, о сокращении одной из заключительных реплик трагедии: «Двери заперты — крики замолкли» (вместо: «Двери заперты — крики замолкли — шум продолжается») и т. д. Случаи отказа от сделанной ранее правки и возвращения к первоначальному вариантам достаточно характерны для творческой практики Пушкина, поэтому неучтенные печатным изданием поправки в копии ПД 892 не могут служить основой ни для каких построений.

Текст пушкинской трагедии существует в двух авторитетных авторских редакциях — «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», представленная «михайловским» автографом, и «Борис Годунов», представленный печатным изданием 1831 г. Каждая из этих редакций является, говоря словами Б. В. Томашевского, равноценным «фактом поэтического творчества». Из этого вывода вытекают, по нашему мнению, и возможные эдиционные решения. В зависимости от типа издания и целей, которые оно перед собой ставит, редактор, работающий с пушкинским текстом, может печатать или обе редакции произведения, или одну из них, но попытки их «примирить» в каком-либо едином тексте неоправданны и с чисто художественной, и с формально текстологической точки зрения.

Возникает, однако, еще один вполне естественный вопрос. Почему ни в «пробном» томе 1935 г., ни в томе драматургии «Большого» академического издания, имевших пространные разделы «Других редакций и вариантов», не говоря уже, естественно, о предшествующих им «опытных» собраниях сочинений Пушкина, не делалось попыток напечатать первоначальную «михайловскую» редакцию пьесы. Разложенная по вариантам в общей росписи всех источников «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» практически была утрачена как целостный текст⁴⁴. Это тем более странно, что если по поводу степени «авторизованности» того или иного чтения печатного текста еще можно дискутировать, то авторитет «михайловского» автографа как источника, совершенно безусловно отразившего поэтическую волю Пушкина в момент создания произведения, несомненен, — из чего, в частности, исходил во всех своих текстологических рассуждениях Г. О. Винокур. Было бы

⁴⁴ Впервые полный текст «михайловской» редакции напечатан в 1993 г. С. А. Фомичевым: *Пушкин А. С. Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве*. 1825. Париж; СПб., 1993.

слишком просто объяснить пренебрежение «михайловской» редакцией в советских научных изданиях только соображениями экономии печатных листов в соответствующих томах собраний сочинений. Причины, нам кажется, более основательны, и в их поисках следует вернуться к текстологическим дискуссиям 1920-х гг.

Оживление в сфере пушкинской текстологии в 1920-х гг. было в значительной мере стимулировано появлением яркой и по настоящее время еще недооцененной в истории отечественной науки книги М. Л. Гофмана «Пушкин: Первая глава науки о Пушкине» (вышедшей в 1922 г. двумя изданиями). Книга явилась реакцией на современное состояние пушкиноведения, которое Гофман оценивал как кризисное и тупиковое. В ряду проблем, стоящих перед наукой о Пушкине, основными, требующими первоочередного решения, он считал вопросы текста. Ни одно из четырнадцати «солидных, проработанных, сверенных с печатными текстами и рукописями» изданий, вышедших за 85 лет со смерти поэта, по мнению Гофмана, не способно дать представление о «лике поэта», «его подлинно-поэтическом творчестве»⁴⁵. Сам текст Пушкина меняется от издания к изданию, по произволу разных редакторов, совершающих тем не менее однотипные ошибки.

Первоочередной задачей пушкиноведения Гофман выдвинул выработку канонического корпуса пушкинских текстов: «Канон сочинений Пушкина, неопровержимый, не допускающий никаких сомнений и исправлений, вечный (а не на одно десятилетие) текст Пушкина — обетованная земля науки о Пушкине, пушкиноведения, и только ступив на эту обетованную землю, пушкиноведение станет настоящей наукой, его выводы приобретут научную ценность и значение, и широко понимаемое историко-литературное изучение Пушкина получит прочную базу, прочное, твердое основание»⁴⁶. Вопрос о пушкинском «каноне» рассматривался Гофманом в двух планах: как проблема канонического корпуса пушкинских текстов и собственно канонического текста каждого конкретного произведения. О каноническом тексте, в понимании Гофмана, можно говорить только относительно завершенных и «признанных» самим поэтом произведений, дошедших до нас в безусловно авторских редакциях (прижизненных публикациях, беловых автографах). Они же должны составить и канонический корпус пушкинских текстов.

Против выдвинутой М. Л. Гофманом идеи «пушкинского канона» резко выступили, с одной стороны, Б. В. Томашевский, напечатавший в том же году в альманахе «Литературная мысль» развернутый обзор

⁴⁵ Гофман М. Л. Пушкин: Первая глава науки о Пушкине. Пг., 1922. С. 49, 51.

⁴⁶ Там же. С. 101.

текстологических работ Гофмана, с другой — Г. О. Винокур в изданной им в 1927 г. книге «Критика поэтического текста». Спустя несколько десятилетий, в рамках псевдонаучной текстологической капмании 1950-х гг., работы Томашевского и Винокура критиковались в общем ряду как порождение «буржуазной» науки — попытки «утвердить в текстологии чисто субъективистское направление, обосновать право “свободного” обращения с текстами писателей»⁴⁷. На самом деле позиции двух исследователей были не только различны, но в некоторых своих методологических основаниях противоположны.

Томашевский отвергал саму возможность существования канона, исходя из представления об изменяемости поэтического текста во времени. «Канон», отмечал Томашевский, предполагает существование «основной» редакции произведения, то есть подразумевает некоторый «выбор», в основе которого, согласно Гофману, должен лежать психологический принцип «художественной воли поэта». Однако «воля поэта» сама по себе величина изменчивая: «воля менялась, и каждая редакция означает изменение воли»⁴⁸. Создание неизменного «канонического корпуса» пушкинских произведений, за что ратовал Гофман, на деле, по мысли Томашевского, означает «селекцию» поэтических текстов, тогда как в историко-литературном отношении все редакции — иначе говоря, все разновременные текстовые воплощения художественного замысла — равнозначны. И если эдиционная практика, как правило, по необходимости предполагает помещение в корпус сочинений поэта какой-то одной редакции, то с филологической точки зрения речь, очевидно, идет лишь о временном предпочтении, отданном по тем или иным соображениям в этом конкретном издании одной редакции произведения перед другими.

Г. О. Винокур, вслед за Томашевским категорически отвергая идею Гофмана о создании «пушкинского канона», главным своим оппонентом, однако, видел уже не Гофмана, а именно Томашевского. Винокур, в отличие от Томашевского, в своих рассуждениях исходил из представлений о единстве творческой воли поэта и, соответственно, о ее направленном и «поступательном» изменении. Основной задачей текстологического исследования тогда становится определение поэтического текста, в максимальной степени эту волю выражающего. Причем этот текст по разным случайным причинам (цензурные препоны, редакторский произвол и т. д.) мог не получить фактического воплощения, что не отменяет его «высшей» поэтической реальности.

⁴⁷ Онуфриев Н. М. Против редакторского произвола в издании сочинений писателей-классиков // Советская книга. 1953. № 3. С. 97–98.

⁴⁸ Томашевский Б. В. Новое о Пушкине. С. 172.

Тогда как позиция Томашевского, в том виде, как она была заявлена в дискуссии 1920-х гг., однозначно отрицала любую возможность «совмещения» разных редакций произведения, примирения их в едином тексте⁴⁹, в глубоко идеалистической текстологической системе Винокура появляется понятие «подлинной редакции» — «подлинная редакция не есть нечто данное, а только искомое», «всякое критическое установление текста есть с в о д к а из разных списков и редакций, всякий критически установленный и подлинный текст есть с в о д н ы й текст»⁵⁰. С обеих точек зрения итогом историко-литературного изучения текста является общее представление о произведении как о некоей надтекстовой реальности. В системе рассуждений Томашевского это представление, оставаясь в рамках субъективно-психологической сферы, определяет единство художественного восприятия. Для Винокура это своего рода «интегральный» поэтический текст, к реконструкции которого и стремится текстолог во всеоружии своего критического инструментария.

Примечательно, что работа Винокура, написанная в опровержение выдвинутой Гофманом идеи «пушкинского канона», оказалась посвящена утверждению и философскому обоснованию самого этого понятия: «Если мы захотим теперь сделать отсюда вывод в область практической работы над текстами, то мы должны будем признать, что общеобязательного и единого “канона” у нас действительно быть не может. Но если такого канона и нет, то, очевидно, совсем не в том эмпирически-безразличном смысле, как это утверждал Томашевский. <...> ...у нас действительно не может быть канона, если под этим термином понимать буквальное и предельное совпадение двух критически установленных текстов в отношении максимальных мелочей. <...> В этом смысле, может быть, и в самом деле лучше не пользоваться термином “канон”. Реально, на деле, у нас всегда будет лишь некоторое приближение к канону, некоторая потенция его, частичное осуществление того идеального задания, которое стоит перед критиком»⁵¹.

В конечном счете, за строгой научной аргументацией Винокура скрывалось то же романтическое томление по «обетованной земле науки о Пушкине» — «неопровержимому, не допускающему никаких сомнений и исправлений, *вечному* (а не на одно десятилетие) тексту Пушкина», — которое с риторической пышностью выразил Гофман. В общем, это стремление к «обетованной земле» настолько естественно, что

⁴⁹ Если обратиться к примерам совершенно из другой сферы, разные редакции поэтического текста можно сравнить, например, с фотографическими портретами одного и того же человека в разном возрасте, несоединимыми в единое фотоизображение.

⁵⁰ Винокур Г. О. Критика поэтического текста. С. 92, 93 (разрядка автора).

⁵¹ Там же. С. 59.

безусловная победа в текстологических спорах 1920-х гг. точки зрения Г. О. Винокура не вызывает удивления. В системе сформулированных им представлений о каноническом тексте формировались в дальнейшем методологические установки пушкинской текстологии⁵², наиболее полно выразившиеся в «Большом» академическом издании, которое создавалось как максимально приближенное к «пушкинскому канону» и в течение полувека достойно выполняло свою каноническую функцию.

⁵² Эти установки, между прочим, наложили свой отпечаток и на более поздние текстологические работы Б. В. Томашевского, ни в одной из которых проблема канонического текста не трактовалась так жестко и категорично, как в цитированной нами ранней статье.

В. А. Мильчина

Пушкин и книга Жермены де Сталь
«Десять лет в изгнании»:
заметки комментатора

Пушкин и мемуарная книга г-жи де Сталь — тема, неоднократно привлекавшая внимание исследователей, начиная с В. Ржиги, автора давней реферативной статьи¹, и кончая Л. И. Вольперт². Тем не менее некоторые обстоятельства, связанные с присутствием тем и мотивов книги Сталь в произведениях Пушкина, либо вовсе неизвестны в пушкинистике, либо нуждаются в существенной корректировке. Именно эту цель и преследуют предлагаемые заметки, сложившиеся по ходу работы над комментарием к «Десяти годам в изгнании»³.

1

До сих пор едва ли не наиболее серьезной, богатой наблюдениями и тонкой работой, посвященной влиянию на Пушкина книги «Десять лет в изгнании», остается ранняя (1923 г.) статья Б. В. Томашевского⁴. Тем не менее одна гипотеза, выдвинутая Томашевским в этой работе, нуждается в уточнении. Томашевский высказал предположение о зависимости пушкинского стихотворения «Кинжал» от двух фрагментов книги г-жи де Сталь, при этом датой выхода «Десяти лет» он назвал 1820 год⁵. Однако подобная датировка, опирающаяся на известное описание библиотеки Пушкина, составленное Б. Л. Модзалевским, объясняется исключительно тем, что у Модзалевского все книги из собрания сочинений Сталь значатся под одним номером (1406) и под одной датой (1820)⁶. В реальности же это собрание, выпущенное сыном

¹ Ржига В. Пушкин и мемуары Mme de Staël о России // Известия ОРЯС. 1914. Т. 19. С. 47–67.

² Вольперт Л. И. 1) Пушкин и г-жа де Сталь // Французский ежегодник—1972. М., 1974; 2) Еще о «славной шутке» госпожи де Сталь // Врем. ПК 1973. Л., 1975.

³ См.: Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании / Пер., ст., коммент. В. А. Мильчиной. М., 2003 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц).

⁴ Томашевский Б. В. «Кинжал» и Mme de Staël // ПиС. Пг., 1923. Вып. 36.

⁵ Там же. С. 83.

⁶ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиогр. описание). СПб., 1910. С. 341.